

А. Н. ЕЛСУКОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

ДИАЛЕКТИКА ИЛИ ЭКЛЕКТИКА? К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ НОВАЦИЯХ ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО

В контексте современных методологических подходов анализируется теория социального познания и конструирования В. Парето. Раскрывается ее антидиалектическая эклектическая сущность, соединение элементов рационализма и иррационализма, логических и нелогических действий, научного и псевдонаучного познания в рамках единого творческого процесса, использование приемов психологического истолкования социальных явлений, сведение всей политической истории к циркуляции элит, поведение которой объясняется такими психологическими компонентами, как «остатки» и «деривации».

Ключевые слова: диалектика, эклектика, метафизика, логическое действие, нелогическое действие, теория, псевдотеория, теология, миф, наука, псевдонаука, идеология, остаток, деривация, чувство, интуиция, рационализм, иррационализм, элита, циркуляция элит.

The theory of social cognition and construction developed by V. Pareto is given analysis in the context of modern methodological approaches. Identified is its anti-dialectic eclectic nature, combination of elements of rationality and irrationality, logical and illogical actions, scientific and pseudo-scientific cognition in the framework of an integral creative process of applying the methods of psychological interpretation of social phenomena, reducing the whole political history to the circulation of elites whose behavior is explained by such psychological components as “residues” and “derivations”.

Key words: dialectics, eclectic, metaphysics, logical action, illogical action, theory, pseudo-theory, theology, myth, science, pseudo-science, ideology, residue, derivation, feeling, intuition, rationality, irrationality, elite, circulation of elites.

История развития человеческого духа полна драматических сцен борьбы рационализма и иррационализма, науки и теологии, знания и веры, материализма и идеализма. В периоды Возрождения и Просвещения казалось, что схоластика и теологическая догматика утратили духовно-социальный смысл, уступив место человеческому разуму и научному знанию. Наука стала определяться как единственная форма истинного познания, как двигатель общественного прогресса. Вместе с успехами науки, с разработкой новых методологических основ ее развития и совершенствования в философии начинает формироваться новая парадигма природы рационального познания. Наука очищается от средневековых предрассудков и все очевиднее становится стремление философов очистить науку от ее собственных недостатков и заблуждений, от стремления части ученых формулировать свои открытия в виде абсолютных истин. Кантовская критика теоретического разума и гегелевская диалектика раскрыли противоречивую сущность человеческого сознания и познания. Для Канта эта противоречивость воплотилась в его учении об антиномиях теоретического разума. Гегель же попытался увязать ряд противоположностей духовно-познавательной деятельности в системе диалектических категорий, отстаивая исторический характер всяких истин. Так или иначе, в философии и методологии науки стала утверждаться мысль об относительности научных истин и их исторической изменчивости. Подобная критика не только не уничтожила науку, не только не ослабляла ее роль в борьбе с теологией, а наоборот, вселяла уверенность передовой части общества, что именно наука (прежде всего естествознание) – подлинная носительница истинных представлений о мире. Диалектика все больше и больше стала вытеснять из науки ее схоластические, догматические и эклектические элементы, став подлинной методологией современного научного познания. Особенность этого метода в том, что диалектика позволяет преодолеть трагическую раздвоенность человеческого познания, позволяет соединить в рамках противоречивого единства ряд важных познавательных категорий, преодолевая тем самым метафизические противопоставления различных сторон изучаемых явлений.

Однако диалектику не стоит рассматривать как оправдание единства всяких противоположностей. В природе, обществе и мышлении большое количество таких противоположностей, которые никак не совмещаются друг с другом. Такими противоположностями являются, например, свет и тьма, жидкое и твердое, горячее и холод-

нее, жизнь и смерть, война и мир, счастье и несчастье, истина и ложь, правда и обман, сакральное и секулярное, материализм и идеализм и т. д. Однако, несмотря на несовместимость подобных противоположностей, человеческий разум часто пытался и пытается объединить и их в рамках какой-либо единой теоретической системы. В этом случае диалектика произвольно (а иногда и умышленно) трансформируется в свою противоположность – в эклектику, плодом которой являются формирование в общественном сознании многочисленных кентавр-проблем и кентавр-теорий. Как отмечает известный российский социолог Ж. Т. Тощенко, «анализ современного общественного сознания и поведения, социальной практики показывает, что возрождается в более высокой степени, чем ранее, *иррациональная составляющая*, которая все чаще проявляет себя в форме «совмещение несовместимого», «сочетание несочетаемого»¹.

Такое «сочетание несочетаемого» отнюдь не всегда проявление естественного заблуждения, оно представляет собой осмысленную попытку преодоления логически обоснованных аргументов в рамках тех или иных теоретических дискуссий, это осознанный прием смешения различных понятий и смыслов с целью либо что-то опровергнуть, либо доказать явно абсурдный тезис. В этом плане эклектика является прямой противоположностью диалектики, которая всегда (от Платона до Гегеля) выступала как методология истинного познания.

Такое смешение понятий и смыслов особенно наглядно проявляется в творчестве Парето, который предпринял очередную попытку модернизации социального познания, почти полностью отождествив его с идеологией и нелогическим действием. Социология, с его точки зрения, наука об обществе, все еще находится на донаучной стадии, так как она не достигла уровня «логико-экспериментального» исследования. Все теоретические системы социологии, в том числе позитивизм, социал-дарвинизм и марксизм, представляют, с его точки зрения, разные проявления псевдонаучного знания. Свою миссию он видит в том, чтобы возвести социологию в ранг подлинной науки, или, в его терминологии, в ранг «логико-экспериментальной науки». Характеризуя предшествующую социологию, он пишет: «До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное “позитивная”, данное Контом его философии; она столь же догматична, как и “Рассуждение о всеобщей истории” Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летуруно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются “гуманистические”, нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий. Не желая объявлять ошибочными все эти почитаемые социологии, мы позволим себе представить здесь исключительно *экспериментальную социологию* (выделено нами. – А. Е.), подобную химии, физике и иным, близким к ним наукам»².

Разъясняя данную мысль, Парето далее пишет: «Необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознанна в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук»³.

Таким образом, Парето четко формулирует цель своего исследования – реформировать социальное познание (определяемое им термином «социология») по образцу и подобию естественных наук. Разрабатывая свою методологию, он пишет: «Мы намерены руководствоваться только опытом и наблюдением исключительно в том смысле, какой эти два понятия приобрели в естественных науках»⁴.

Нельзя забывать, что вопрос о противоречивой природе человеческого познания, о наличии в нем истинных представлений и заблуждений всегда привлекал к себе внимание философов и ученых. От античности и до наших дней мыслители разных эпох и народов пытались разрешить эту проблему, выработать такие методологические ориентиры, которые ограждали бы науку от заблуждений. И нет ничего удивительного в том, что и Парето заинтересовался этой важной теоретико-познавательной проблемой. Удивительно то, что этот исследователь начинает изучение данной проблемы «с чистого листа». В своей работе «Трактат по общей социологии» (сокращенный вариант которой под названием «Компендиум по общей социологии» вышел в свет в 1920 г., переведен на русский язык в 2007 г.) он безапелляционно утверждает, что именно ему принадлежит приоритет создания подлинно научной (или экспериментальной) социологии. В пылу критики своих предшественников он почему-то не заметил методологических новаций, сделанных до него, в том числе и стремлений ряда философов приблизить общественные науки к логике естественнонаучного по-

знания. Не заметил он и противоположных идей, сформулированных представителями немецкой классической социологии, которые доказывали невозможность полного отождествления наук социально-исторического плана с науками о природе. Выход из этого методологического тупика Парето нашел в весьма оригинальном истолковании социального факта.

С его точки зрения, в качестве социальных фактов могут рассматриваться не реальные явления общественно-исторической жизни, а сами социальные теории. Рамки понятия «теория» им настолько расширяются, что включают в себя все проявления социально-духовной мысли, в том числе религиозные, метафизические, идеологические и прочие системы. По этому поводу он пишет: «Не занимаясь изучением их (то есть теорий. – А. Е.) внутренней ценности, идущей от веры, мы можем рассматривать все подобные положения и теории отвлеченно, как *экспериментальные факты* (выделено нами. – А. Е.), в которых проявляются диспозиции и склонности людей. Они оказываются среди тех элементов, которые воздействуют на общество»⁵.

В другом месте Парето уточняет и конкретизирует это положение, утверждая следующее: «Логико-экспериментальные науки (к которым он относит и свои методологические рассуждения. – А. Е.) исследуют встречаемые в обществе *теории, доктрины, утверждения и т. д. как простые социальные факты* (выделено нами. – А. Е.), даже если они не являются логико-экспериментальными или оказываются фантастическими, абсурдными и т. д.»⁶

Получается, что методолог должен изучать не только подлинные теории науки, но и все проявления человеческой мысли вплоть до фантастических и абсурдных, которые Парето также рассматривает как проявление теоретического знания. В этом легко убедиться, обратившись к его следующему положению: «В любых общностях распространено употребление описательных, предписывающих и им подобных утверждений... Эти высказывания, объединяемые логической или псевдологической связью и дополняемые разнообразными повествованиями, образуют теории, теологии, космологии, метафизики и т. д. Для тех, кто благодаря воздействию чувств верит в них, *эти теории* (выделено нами. – А. Е.) делятся на два класса: истинные и ложные, хотя сами эти термины не особенно определены»⁷. При этом допускается, что и ложная теория может оказаться полезной.

Таким образом, теория (а точнее, весь комплекс духовно-теоретических построений) и является тем фактическим материалом, который составляет эмпирическую базу его методологических рассуждений, что должно, по мнению автора, придать его теоретическим построениям конкретно-научный (строго социологический) характер. Но, стремясь придать своему исследованию строго научный характер, Парето явно прибегает к помощи эклектики, что проявляется в нетрадиционном истолковании уже сложившихся в науке понятий, а также в их произвольном совмещении. В частности, ключевое (в его концепции) понятие теории используется в столь широком диапазоне значения, что теряется грань между собственно теорией и проявлениями псевдо-теоретического знания, которое, по его мнению, с избытком проявляется в области социальных наук, имея широкий общественный резонанс. Получается, что все общественные теории относятся к категории нелогических действий, представляющих собой не столько естественные заблуждения, сколько специально создаваемое ложное знание, имеющее определенный идеологический смысл.

Однако, как полагает Парето, псевдонаучный характер таких рассуждений трудно обнаружить. Во-первых, потому, что они чаще всего маскируются под научные, вполне логические системы. По этому поводу он замечает: «У создателей теорий имеется достаточно сильный мотив преподнести нелогические действия в качестве логических»⁸. Во-вторых, такие проявления человеческой мысли не замечаются и отбрасываются исследователями, хотя на самом деле они требуют, по мнению автора, пристального изучения. «Кто рассматривает только логические действия, – пишет Парето, – тот, столкнувшись с подобными явлениями (т. е. с нелогическими действиями. – А. Е.), пренебрегает ими, не признает их, считает их патологическими состояниями и далее не рассматривает подобные вещи. Но их следует внимательно изучать тому, кто понимает, насколько большое место занимают нелогические действия в социальной жизни»⁹.

На основе этих предпосылок Парето основную цель своей работы видит не в том, чтобы объяснить, как формируются (создаются) подлинные теории науки, а в том, чтобы разобраться в структуре уже ставшей (существующей) теории, выявляя составляющие ее компоненты логического и нелогического характера, выясняя, какую роль играют теории (псевдотеории) в обществе, как они воспринимаются теми или

иными группами людей, какова их социальная значимость и ценность. Эклектика в данном случае проявляется как попытка соединения логических и нелогических (рациональных и иррациональных) рассуждений в таких взаимоисключающих системах, как теория, миф, теология, метафизика, идеология и им подобные. При таком подходе границы теории полностью размываются, создается возможность трактовать теологию как разновидность теории, а теорию, в свою очередь, называть теологией. А раз так, то признаки теории легко можно обнаружить и вне рамок логико-экспериментального исследования. Тогда такие духовные образования нелогического плана, как религия, миф, метафизика, утопические доктрины и т. д. также выступают в качестве теоретического знания, воздействуя на поведение людей. Особенно ярко такое смешение понятий, по мнению Парето, наблюдается именно в области социального познания, в котором они не столько отражают реальную действительность, сколько выражают пожелания авторов, их виртуальные цели.

Таким образом, традиционная для Запада тенденция различать методологический статус наук о природе и наук социокультурного профиля получила в творчестве Парето оригинальное разрешение как проявление оппозиции теории и псевдотеории, логического и псевдологического действия. Факт и наблюдение признаются в учении Парето символами подлинно научного познания. Но, перенося эти элементы научно-познавательной деятельности из науки в сферу методологии, Парето придает им чисто словесный (текстовый) характер, т. е. в качестве фактов в его учении выступают различные социальные доктрины, уже сложившиеся в обществе. Свой анализ этого материала Парето проводит, постоянно обращаясь к науке как некоему образцу подлинного познания, синонимами которого в его учении выступают такие понятия, как «логическое действие», «экспериментальная наука», «логико-экспериментальная наука», «рациональное познание».

Все, что выходит за рамки экспериментального исследования, определяется им понятием «нелогическое действие», которое выступает, по мнению автора, «логическим» основанием целого ряда псевдотеоретических построений. Эти построения в силу определенных психологических причин имеют, по мнению Парето, намного больший вес в обществе, чем здоровые теоретические идеи. Может быть, именно поэтому он уделяет особое внимание анализу именно этой категории, то есть понятию нелогического действия.

Создав таким образом несколько карикатурный образ социального познания, в котором теология и социальная теория (элементы логического и нелогического, рационального и иррационального) оказались слиты в некий общий кентавроподобный объект, Парето подробнейшим образом анализирует этот объект, но не с целью очищения общественного сознания от него, а с целью извлечения соответствующих уроков для западной правящей элиты на предмет сохранения ее жизнестойкости. Можно сказать, что его концепция «нелогического действия» представляет собой тот теоретический фундамент, на котором выстраивается основная часть его учения, касающаяся природы правящих элит и процессов их циркуляции. И хотя его учение зачастую определяется как «теория нелогического действия», более правильным было бы называть его «теорией циркуляции элит».

Что же представляет собой понятие нелогического действия? Этот вопрос подробно разобран в соответствующей литературе. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые детали этого вопроса.

Понятия логического и нелогического действия в трактовке Парето означают два типа теоретического знания. «В объективном аспекте, – пишет он, – мы разделяем высказывания и теории на два класса: к первому относятся те, которые не выходят за границы экспериментальной сферы; ко второму относятся те, которые каким-либо образом выходят за ее границы»¹⁰.

Первое, как это следует из рассуждений Парето, представляет собой рациональную конструкцию, основанную на фактическом материале, полученном с помощью таких методов, как наблюдение и эксперимент, и в полной мере реализуется в области естествознания. Здесь Парето стоит на вполне реальной почве, допуская, что научное знание есть результат отражения объективной действительности.

Второе проявление человеческой мысли (нелогическое действие) имеет иную природу. Здесь знание строится не на базе реального отражения, а на базе чувств, эмоций, инстинктов, желаний субъекта. Это знание носит поучительный, воспитательный характер (его цель совершенно иная в сравнении с положениями экспериментальной науки). Аргументы этого знания отличаются от естественнонаучной аргумен-

тации. Парето так фиксирует это различие: «Критерий истинности первого класса суждений (высказываний) обращен исключительно к опыту и к наблюдению, тогда как критерий истинности второго класса высказываний лежит вне объективного опыта. Его могут находить в божественном откровении, в тех концепциях, где, как говорится, человеческий дух обращается к самому себе без того, чтобы нуждаться в объективном опыте, в универсальном консенсусе людей и т. д.»¹¹

Таким образом, источником второго класса «теорий», или нелогических действий, являются чувства самих авторов этих теорий (обращаем внимание на то, что и эти иррациональные образования также называются «теория»). Здесь Парето переходит на исключительно психологическую трактовку социального познания, разработав весьма сложную систему классификации чувств, их физических и словесных манифестаций.

Вторым признаком, различающим логические и нелогические действия (или типы теорий), является их разное отношение к языку исследования. «При экспериментальных рассуждениях, – пишет Парето, – основанных на объективном наблюдении, пользуются терминами, лишенными всякой двусмысленности, и стремятся делать их как можно более точными. Следовательно, пользоваться особым техническим языком, т. е. словами, которым придаются вполне четкие и определенные значения, что позволяет избегать неточностей обыденного языка»¹². Справедливости ради необходимо отметить тот факт, что сам Парето редко использует это правило в своем исследовании. Что же касается социального познания, то здесь имеет место совершенно иная ситуация. «При обращении к социальным темам, – пишет он, – люди обычно используют слова из обыденного языка, что отдаляет их от логико-экспериментальной области»¹³.

Обыденный язык, как полагает Парето, не столько связывает сознание человека с объектом отражения, сколько становится своеобразной преградой на пути познания. «Язык, – пишет мыслитель, – отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография, а в худшем – как очень плохая или никудашная фотография. Кто рассуждает об именах (т. е. о понятиях и словах, отражающих различные предметы и их свойства. – А. Е.), тот подобен тому, кто по таким фотографиям хотел бы получить точное знание об изображенных на них вещах»¹⁴.

Эта идея, безусловно, нацеливала ученых на более критическое отношение к возможностям чисто языкового (словесного) изучения и описания объектов. Но Парето на этой основе старается доказать нестрогий характер социального познания, его выход за рамки экспериментального исследования, а это значит и его нелогический статус.

Но, зафиксировав нелогический статус социальных теорий, Парето не старается очистить науку и общественное сознание от них, а доказывает непреходящую сущность и даже определенную социальную значимость и ценность социальных теорий. Более того, он даже разрабатывает особую методологию формирования социальных псевдотеорий как необходимое условие выживания правящих элит. Основой этой методологии и является его учение о нелогическом действии.

Сам Парето по-разному определяет сущность нелогического действия, но так или иначе остается ощущение, что это не просто заблуждение, а весьма осознанный обман, стремление запутать сознание людей. В рамках нелогических построений широко используются приемы запугивания, угроз, откровенного обмана. На этот счет Парето прямо заявляет: «Связь нелогическая... это логические софизмы или хитроумные рассуждения, выполняемые ради введения в заблуждение других людей»¹⁵. При всей ложности таких рассуждений они, по мнению исследователя, могут иметь широкое признание в обществе, определяя поведение людей.

Первый тезис этой методологии – утверждение о том, что источником нелогических действий являются чувства человека, его желания и интересы. Сами чувства, по мнению автора, представляют собой некую глубинную природную основу, что-то вроде врожденных инстинктов и непосредственно не наблюдаемы. Но они имеют свое внешнее проявление, реализуясь в мыслях и поступках людей. Несмотря на то, что эти поступки индивидуально различны, тем не менее, они имеют некоторые общие формы своего проявления и особую иерархическую структуру. Эти общие проявления Парето называет остатками и деривациями.

С его точки зрения, существует шесть основных классов остатков. Их перечисление имеет важное значение для объяснения циркуляции элит, поэтому стоит привести их полностью: 1) инстинкт комбинаций; 2) сохранение агрегатов; 3) потребность в проявлении чувств посредством внешних действий; 4) остатки, связанные с социальностью; 5) целостность индивида и его зависимостей; 6) сексуальный остаток.

Остатки – это те наблюдаемые явления физической и ментальной природы, которые выражают социальные чувства человека. Учитывая тот факт, что основные классы имеют свои виды и подвиды, общее количество остатков исчисляется несколькими десятками, и все они в той или иной степени формируют нелогические действия, на «теории», выходящие за рамки экспериментального изучения. Здесь проявляется дух эклектизма. Как отмечают российские исследователи В. И. Добреньков и А. Б. Рахманов, «понимание сущности осадков составляет основную трудность при изучении теории Парето. Дело в том, что он в действительности объединил в этом понятии иррациональные и рациональные явления сознания»¹⁶.

Разработав таким образом методологию псевдотеоретического (псевдологического) знания, Парето пытается объяснить определенную живучесть этого знания. Он вводит в свой анализ понятие *деривации*. Как уже отмечалось, творцы нелогических конструкций и нелогических действий, видимо, осознавая некоторую ущербность своих теоретических построений, стремятся придать им респектабельный вид строго логического знания. С этой целью и создаются деривации – псевдологические построения (заполняющие собой весь объем общественного сознания), главной функцией которых являются словесные доказательства отстаиваемых истин. Основная задача дериваций – маскировка многоликих проявлений остатков, которые выступают первой формой проявления нелогических действий. Как полагает Парето, «почти все рассуждения, проводимые при социальных дискуссиях, являются деривациями». Это ложное знание, но оно имеет свой идеологический смысл и поэтому весьма полезно. Как идеология деривации могут выступать в чистом виде, а могут и вкрапываться во все проявления социального познания, придавая псевдологическим системам обманчиво-логический вид.

Таким образом, структура нелогического действия реализуется в цепочке следующих понятий: 1) *социальные чувства* (инстинкты, интересы, желания людей – все то, что не является предметом непосредственного наблюдения); 2) *остатки* – наблюдаемые проявления социальных чувств, которые реализуются в действиях и мнениях людей и не соответствуют идеалам строго логического характера; 3) *деривации* – социальные теории, которые строятся на основе остатков, выдают желаемое за действительное и маскируют нелогический характер остатков, это особые идеологические построения.

Все эти элементы нелогического действия особенно ярко проявляются в системах социального управления, в действиях господствующих элит. В структуре элит Парето выделяет такие группы, как новаторы и консерваторы. Придерживаясь своей теории чувственной обусловленности социального познания, Парето считал, что в сознании первых преобладают остатки комбинации, у вторых – сохранение агрегата. Мыслитель полагал, что носители этих остатков должны дополнять друг друга, что и обеспечит социальное равновесие. Кроме того, правящая элита постоянно должна заботиться о привлечении в свои ряды новых представителей (из разных слоев общества), обладающих энергетикой осадков комбинаций.

Сама живучесть элит определяется Парето как ее умение переходить от чисто силовых методов управления к методам идеологического воздействия на умы как можно большего числа людей, умение внедрять в сознание людей такие «истины», которые бы отражали интересы самой элиты. Но при долгом нахождении у власти правящие элиты могут переродиться, утрачивать эту способность обманывать людей, т. е. владеть определенным запасом остатков комбинации. Чтобы этого не случилось, правящая элита должна все время обновляться за счет новых элементов, за счет пополнения своих рядов представителями либо оппозиционной элиты, либо политически активной интеллигенции, то есть наиболее образованной части общества. Только в этом случае социальная система сможет находиться в состоянии равновесия и нормального развития.

Если же элита превращается в закрытую (кастовую) систему, то она утрачивает возможность обновления и постепенно вырождается, уступая место тем группам людей, которые оказываются носителями новых идей, новых осадков комбинации. Но в этом случае общество может ожидать революционные потрясения. С позиции этих идей Парето попытался переинтерпретировать всю мировую историю и дать оценку текущим политическим событиям. К сожалению, получилось так, что его методологическими рекомендациями сумели воспользоваться наиболее реакционные круги Западной Европы в преддверии Второй мировой войны, которых меньше всего интересовали остатки и деривации, кроме самой идеи продуцировать и широко использовать идеологические мифы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М., 2011. С. 22.
- ² Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 14.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ Там же. С. 14.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Там же. С. 472.
- ⁷ Там же. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 48.
- ⁹ Там же. С. 45.
- ¹⁰ Там же. С. 17.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 24.
- ¹³ Там же. С. 64.
- ¹⁴ Там же. С. 477.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ История социологии (XIX – первая половина XX века) / под ред. В. И. Добренькова. М., 2004. С. 431.

Поступила в редакцию: 15.07.13.